DOI: 10.17976/jpps/2015.05.07

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (на примере России, Белоруссии, Казахстана и Украины)

В.И. Пантин, В.В. Лапкин

ПАНТИН Владимир Игоревич, доктор философских наук, зав. отделом ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Отдела анализа социально-политических процессов ИС РАН. Для связи с автором: v.pantin@mail.ru**; ЛАПКИН Владимир Валентинович, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН.** Для связи с автором: vvlh@politstudies.ru

Статья поступила в редакцию: 25.06.2015. Принята к печати: 06.07.2015

Статья подготовлена в Институте мировой экономики и международных отношений РАН за счет гранта Российского научного фонда проект № 15-18-00021 "Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)"

Аннотация. В статье проанализированы ключевые тенденции этнополитического и этносоциального развития в наиболее крупных постсоветских государствах – России, Белоруссии, Казахстане и Украине. Сформулированы критерии и основания такого сравнительного анализа, проанализированы риски и проблемы нациестроительства в постсоветских государствах. Особое внимание уделено соотношению этнической и гражданской составляющих идентичности, а также политике идентичности в каждом из рассматриваемых государств. Отмечены трудности формирования гражданской идентичности и гражданского общества в этих постсоветских странах, связанные как с сохраняющейся неопределенностью ориентиров нациестроительства, так и с низкой эффективностью политических и экономических институтов, сформировавшихся в них. Показано, что ситуация в области межнациональных отношений и в сфере национальной идентичности в этих странах сильно различается. Консолидация полиэтничной нации и формирование гражданской идентичности в Российской Федерации происходят довольно медленно, но вместе с тем в ней существуют долговременные традиции политики идентичности и регулирования межэтнических конфликтов. В Белоруссии советская идентичность доминировала в 1990-х и в 2000-х годах, но в настоящее время новое поколение стремится трансформировать собственную самоидентификацию. В Казахстане власть проводит политику формирования многосоставной идентичности (включающей этническую, национальную и наднациональную и так наз. евразийскую составляющие), осознавая необходимость стабилизации социальной и политической ситуации. Авторы полагают, что этот опыт является полезным примером для России и других постсоветских государств. В противоположность этому социальная и культурная ситуация в Украине становится все более конфликтной и контрпродуктивной с точки зрения формирования там современной гражданской нации. В Украине нарастает социальная и этническая поляризация, ведущая к кризису и потенциальному коллапсу украинской государственности, подтверждая тезис о том, что политизация этносоциальных и межнациональных противоречий обладает огромным разрушительным потенциалом, особенно на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: этнополитические процессы; межнациональные отношения; сравнительный анализ; идентичность; постсоветские государства; Россия; Белоруссия; Казахстан; Украина.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В современном мире подавляющее большинство стран (включая Россию и другие так наз. постсоветские страны) решают проблему нациестроительства (*nation-building*), построения, упрочения или переформатирования государства-нации, что сопряжено с формированием и продвижением гражданской идентичности, призванной интегрировать в политическое целое в том числе и этническую, и иные формы примордиальной самоидентификации [Дробижева 2008]. В реальности же, зачастую, социально-политические процессы в национально-территориальном государстве приобретают этнополитическое и этносоциальное измерение. Анализ современной политики с учетом ее этноизмерения позволяет выявлять воздействие на нее как многочисленных непредсказуемых и иначе не учитываемых последствий глобализации и транснационализации, так и последствий усиления социального неравенства, натиска глобальной миграции из неблагополучных стран в более благополучные, резкого обострения межнациональной и межцивилизационной конфликтности [Глобальная перестройка 2014; Малахов 2014; Этносоциокультурный... 2014]. Перед новыми угрозами государственному суверенитету реальными субъектами нациестроительства и формирования гражданской идентичности, как правило, становятся государство и та часть гражданского общества, которая ориентирована на сохранение не только *de jure*, но и *de facto* суверенитета и политической независимости страны, на развитие ее национальной культуры, традиций и ценностей. В этой связи следует отметить, что во многих государствах, включая Россию, идет сложная борьба между глобализированными, транснациональными элитами, с одной стороны, и элитами, заинтересованными в сохранении государственного суверенитета, с другой [Sklair 2001; Robinson 2004; Иванов 2007].

Подчеркнем также особую роль “борьбы за идентичность”, или “войны идентичностей” [Борьба за идентичность... 2012; Янковская 2014; Дибиров, Белоусов 2014], которая идет в современном глобализированном мире и которая во многом инициирована как транснациональными элитами, так и представителями современного этнического национализма и даже исламскими радикалами-фундаменталистами. Как ни парадоксально, перечисленные политические силы подчас выступают единым фронтом в борьбе против современного государства-нации, так как все они заинтересованы в геополитической перекройке карты того или иного региона, а в перспективе, нельзя исключать, и всего мира. Об этом убедительно свидетельствует опыт Ирака, Ливии, Сирии, целого ряда других стран, включая Украину. Реальный политический опыт показывает, что радикальные националисты и радикальные исламисты являются не столько альтернативой глобализированным транснациональным элитам, последовательно и зачастую отнюдь не либеральными средствами продвигающим неолиберальный проект, сколько союзником или даже инструментом в руках этих элит. Этим объяснимо странное, на первый взгляд, явление, когда финансовые потоки и поставки современного оружия, питающие радикальных националистов и откровенно радикальных исламистов (например, из ИГИЛ), берут свое начало в, казалось бы, самых развитых, свободных и демократических странах, таких как США, Соединенное Королевство, Германия, Франция. Разумеется, такого рода альянсы между транснациональными элитами и радикальными экстремистами резко обостряют этнополитические процессы и межнациональные противоречия в раз-

личных регионах мира, провоцируют постоянную напряженность в международных отношениях, притом служат новыми эффективными источниками "мирового дохода", капитализируемого странами Запада.

На постсоветском пространстве, которое занимает примерно одну шестую часть суши и является стратегически важным в геополитическом отношении регионом на стыке Европы и Азии (ключевым регионом в терминах "Великой шахматной доски" З. Бжезинского [Бжезинский 1998]), проблемы и противоречия, связанные с нациестроительством, консолидацией общества и формированием единой государственно-гражданской идентичности выражены острее, чем в большинстве других регионов мира. Во многом эта острота определяется резким контрастом между высокой степенью урбанизации, развития индустриального уклада и освоения рационалистической культуры этими обществами, а вместе с тем – недостаточной развитостью современных институтов государства и гражданского общества, соответствующей политической культуры, слабой укорененностью практик конституционализма и правового политического порядка, а также сложностью формирования единой гражданской идентичности в условиях полиэтничного общества. В то же время важно подчеркнуть, что в постсоветских государствах речь идет не просто о регулировании межнациональных отношений и межэтнических конфликтов. В ситуации, когда, зачастую, сам проект "национального строительства", его контуры, приоритеты и целевые ориентиры долгое время остаются предметом ожесточенной дискуссии (равно, впрочем, как и сами термины "нация" и "национальное" [см. напр. Семененко 2015]), решающее значение приобретает способность государства управлять этнополитическими и этносоциальными процессами, его выбор *стратегии* и *оснований политики нациестроительства*, эффективность его диалога с гражданским обществом. При этом свою способность и эффективность оно вынуждено демонстрировать в условиях прямого или косвенного вмешательства других государств, процессов глобализации и регионализации, а также на фоне многочисленных политических, социокультурных и территориальных размежеваний, характерных для большинства постсоветских обществ.

В данной статье исследуются этнополитические и этносоциальные процессы в таких ведущих постсоветских государствах, как Россия, Белоруссия, Казахстан и Украина. Методология исследования базируется на сравнительном политическом анализе, а также на использовании институционального и социокультурного подходов. Предпосылкой для сравнительного анализа этнополитических процессов и межнациональных отношений в России, Белоруссии, Казахстане и Украине служит то, что эти страны являются крупнейшими и важнейшими в экономическом и политическом отношении постсоветскими государствами. Вместе с тем, они имеют общее историческое прошлое, обусловленное их вхождением на протяжении длительного времени в состав сначала Российской империи, а затем Советского Союза, а в совокупности – формируют основу евразийского социокультурного пространства степи и лесостепи. В то же время в этих странах реализуются различные, подчас противоположно ориентированные варианты нациестроительства, регулирования этнополитических процессов, переформатирования межнациональных отношений и развития государственности.

В качестве *критериев* и *оснований* сравнительного анализа межнациональных отношений и этнополитических процессов в России, Белоруссии, Казахстане и Украине в данной статье использованы следующие характеристики: степень

остроты социально-политических и межнациональных противоречий и конфликтов, их влияние на социальную и политическую стабильность в стране, на целостность и состоятельность государства, а также основания гражданской и политической консолидации, избираемые государством в рамках политики нациестроительства. Кроме того, важными критериями сравнительного анализа являются тип политики идентичности, проводимой государством и другими политическими акторами, а также успешность или, напротив, неудача политики формирования единой государственно-гражданской идентичности.

Сравнительный анализ этнополитических процессов в ведущих постсоветских государствах может помочь, с одной стороны, выявить важные факторы и движущие силы, определяющие особенности нациестроительства и политики идентичности в каждом из этих государств, а с другой стороны – понять причины успехов и неудач процессов консолидации гражданского общества и государства, разглядеть элементы позитивного и негативного опыта, которые можно или, напротив, чрезвычайно опасно использовать в регулировании межэтнических, межнациональных отношений. С этой целью сначала будет рассмотрен ряд наиболее важных особенностей этнополитических процессов и внутриполитические факторы динамики идентичности в России, Белоруссии, Казахстане и Украине, а затем – сформулированы общие и альтернативные тенденции, характерные для регулирования межнациональных отношений и политики идентичности в этих странах.

Особенности этнополитических процессов в современной России

Из рассматриваемых четырех постсоветских государств только Россия является федерацией. Федеративная форма ее современного устройства обусловлена как историей российской государственности, так и потребностями современного, демократического управления многонациональной страной с огромной территорией и большим числом по-прежнему компактно проживающих в ней этносов и национальностей. В этих условиях федерализм отвечал потребности – во имя сохранения управляемости страной и сдерживания сепаратистских устремлений регионов, территориально или этнически недостаточно интегрированных в единое общероссийское политическое и социокультурное пространство, – передачи этим регионам части субъектности и властных полномочий федерального центра.

Становление и развитие федерализма в России оказывает значительное влияние на протекание этнополитических процессов, на сам характер нациестроительства и формирования государственно-гражданской идентичности в ней [Дробижева 2013]. При этом субъекты федерации значительно отличаются по этническому составу, по характеру межнациональных отношений и по эффективности их регулирования. К субъектам федерации с наиболее сложной межэтнической и социальной ситуацией в настоящее время можно отнести Дагестан, Ингушетию и, отчасти, Забайкальский край, а также некоторые регионы Дальнего Востока и отдельные районы Краснодарского и Ставропольского краев. Однако следует учитывать, что ситуация в сфере межнациональных отношений и межэтнических конфликтов в разных российских регионах меняется достаточно быстро, и проблемными в этом плане могут стать также другие субъекты федерации. В частности, объектами активного воздействия радикальных исламистов, включая представителей так наз. Исламского государства (ИГИЛ), являются Татарстан, Башкортостан, многие республики Северного Кавказа.

Это обстоятельство лишний раз указывает на необходимость постоянного внимания федеральных и региональных властей, всего российского общества к сфере этнополитических процессов и межнациональных отношений.

Одной из важных особенностей Российской Федерации является тесное переплетение и нелинейное взаимодействие региональной, этнической, религиозной и государственно-гражданской (российской) самоидентификации ее граждан [Жаде и др. 2010: 11]. В 1990-е годы в сознании большинства жителей России на первый план вышли региональная и этническая составляющие идентичности, потеснив на второй план значимость консолидирующей страну российской государственно-гражданской самоидентификации. Более того, Россия столкнулась с серьезными проблемами при формировании такой идентичности, соответствующей современному пониманию самоидентификации гражданина демократического правового государства. В результате в ситуации обострения политического и социально-экономического кризиса конца 1990-х годов целостность России как единого государства оказалась под вопросом.

С начала 2000-х годов динамика относительной привлекательности конкурирующих паттернов идентичности существенно изменилась. Политический поворот 1999-2000 гг. положил известный предел росту регионального сепаратизма, выявив и продемонстрировав обществу контрпродуктивность идеи приоритетности региональной и этнонациональной самоидентификации в общей иерархии социально-политических ценностей [Semenenko 2015]. В целом ситуация стабилизировалась, и на этом фоне наблюдается устойчивый рост привлекательности общероссийской идентичности, которая для большинства граждан России стала наиболее значимой [Дробижева 2008].

Однако качество гражданственности оставляет желать лучшего. Характерными симптомами неблагополучия являются, например, исторические реминисценции массового сознания, реанимирующие образы советского прошлого и “вождя – народного заступника”; этим умело манипулируют в своих целях отдельные группы современных российских элит. Другого рода симптомом такого неблагополучия является политическая пассивность общества, наблюдающего за схватками “либерального” и “консервативного” отрядов этих элит. В итоге прогрессирует разочарование в демократии и в эффективности ее институтов представительства интересов общества, особенно на уровне местных сообществ. Ситуация усугубляется нарастающим в последние годы кризисом доверия Западу и продвигаемым им ценностям. В массовом сознании политика “консолидированного Запада” все чаще интерпретируется как последовательно разрушающая традиционные общероссийские уклады.

Вместе с тем, в обстановке социально-экономического и политического кризиса, обусловленного как глобальной дестабилизацией [см. напр. Пантин, Лапкин 2014: 264-267, 272-280, 416-420], так и резко возросшим в последнее время прямым политическим и экономическим давлением западных стран на Россию, вопрос формирования и более широкого распространения единой государственно-гражданской идентичности, обеспечивающей консолидацию российского общества [Дробижева 2013; Семененко 2012: 41-72], становится критически важным. Опыт XX века показывает, что ни “вождистские”, ни “изоляционистски-антизападнические” мобилизационные практики не способны обеспечить такую консолидацию на длительный период, оборачиваясь в итоге распадом общественных взаимосвязей, ростом политических амбиций этнонациональных и иных сообществ, прежде, казалось бы, надежно интегрированных в единую

государственную общность. С учетом этого опыта основанием устойчивой консолидации современного российского общества может стать лишь политическая нация, интегрирующая страну по принципу гражданства, подкрепленного реальным равенством всех перед законом, гарантиями гражданских прав и свобод, эффективной социальной защитой и распространенного поверх этнических, национальных, региональных или местнических различий.

Тем не менее, несмотря на кажущуюся самоочевидность и безальтернативность такого вывода, процессы формирования единой российской политической нации блокируются целым рядом объективных и субъективных обстоятельств. Так, существенное противодействие этим процессам, размывающее паттерны гражданственности в современном его понимании, на протяжении всего постсоветского периода оказывала (и продолжает оказывать) идентичность советского гражданина. Иными словами, гражданина распавшейся *de jure* страны, но *de facto* по-прежнему существующей на уровне межличностного общения, экономических, культурных и языковых связей, правоприменительных практик, патерналистских установок, политической культуры и пр. и пр. В силу этого представление россиян о гражданственности по-прежнему в значительной мере искажено "просоветскими" аберрациями сознания, что создает проблемы в продвижении и практическом освоении современных общественных политико-правовых форм, способствует своего рода институционализации в социальной и политической практике олигархически-монополитического экономического режима и сдерживающего олигархию персонализма в политике [Лапкин, Пантин 2014: 81-83]. В числе других обстоятельств следует упомянуть так наз. советскую национальную политику, выводившую проблемы межэтнических (межнациональных, как их принято было называть в СССР) отношений на политико-государственный уровень, более того, рассматривавшую их как своего рода основу, политико-правовое обоснование государственной консолидации "революционных наций". Выстроенные на шатком фундаменте "революционного права", именно эти отношения в ситуации кризиса стали главной разрушительной силой в процессе распада СССР.

В свою очередь, укорененность и двусмысленность советской государственно-гражданской идентичности, отчасти сопутствующей, а отчасти на равных конкурирующей с российской, отчетливо выявились еще в массовых опросах середины 1990-х годов, посвященных анализу ценностных ориентаций постсоветского общества и ориентиров нациестроительства в России [Клямкин, Лапкин 1995: 81-83]: советский опыт и советские ценности в качестве ориентиров государственного строительства в целом избрали 29% опрошенных, причем разделение на тех, кто отдал исключительное предпочтение советскому, и тех, кто ориентировался как на советское, так и на русское (российское), произошло практически поровну (15,5% и 13,5%, соответственно). Укорененность в массовом сознании и элитных практиках патернализма и элементов государственной политики, педалирующей и политизирующей "национальный вопрос", и сегодня остается проблемой, затрудняющей продвижение современной гражданской идентичности.

Как известно, в начальный период советского государственного строительства проблема формирования российской нации была подменена мифологемой "всемирного интернационала", а на завершающем этапе – не менее одиозной мифологемой "новой исторической общности – советского народа". К настоящему времени можно указать лишь на попытки, но и то в целом безуспешные, в качестве паллиативного решения, предложить варианты пересмотра формул

национального строительства, доставшихся России в наследство от СССР: показателен пример продвигавшихся академиком В.А. Тишковым понятий "этнонации" и "нации наций" [см. напр. Тишков 2011: 174-178].

Для современной постсоветской России тем более важно критически переосмыслить опыт Российской империи и Советского Союза в регулировании отношений между этническими (национальными) сообществами. Это регулирование, несмотря на специфику каждого исторического периода, в целом базировалось на гибкости взаимосвязей между центром и регионами при ключевой роли имперского или союзного центра. И в имперский, и в советский периоды развитие многочисленных национальных окраин и этносов в немалой степени происходило за счет ресурсов русского крестьянства, особенно – черноземных областей России. В то же время политика "имперского центра" и в дореволюционный, и в советский периоды способствовала не только сохранению, но и развитию большого числа этносов, проживавших в Российской империи и Советском Союзе. Именно благодаря этому важному обстоятельству Российская империя длительное время сохраняла стабильность, а Советский Союз, несмотря на огромные жертвы и издержки, смог обеспечить достаточно динамичное экономическое, культурное, технологическое развитие в напряженном и драматическом противостоянии с другими государствами (с Великобританией в 1920-е годы; с нацистской Германией – в 1930-е и до середины 1940-х годов; с США – после Второй мировой войны) – вплоть до 1970-х годов, когда началась "эпоха застоя".

Резюмируя, следует отметить, что сегодня Российской Федерации наряду с традиционной гибкой политикой по отношению к национальным элитам необходима также сбалансированная и стратегически выверенная политика федерализма [Перегудов 2013], ориентированная на опережающее развитие внутреннего рынка и национальной финансовой системы, на упрочение общенационального культурного пространства, обеспечение равенства всех граждан перед законом, их правовой и социальной защиты. Целенаправленное осуществление такой политики должно стать надежной предпосылкой формирования государственно-гражданской идентичности с опорой на структуры гражданского общества и при условии дебюрократизации системы образования и неформального воспитания молодежи, при поддержке волонтерского движения, более эффективного и открытого для общественных инициатив, с использованием возможностей СМИ, включая Интернет.

Как ни парадоксально, обострение отношений России с западными странами из-за Крыма и Донбасса, введение санкций против Российской Федерации и т.п. способствуют консолидации российского общества и тем самым могут, при согласованных действиях общества и власти, стать дополнительными факторами, ускоряющими формирование единой российской гражданской идентичности. Однако в нынешней кризисной ситуации возможны и другие, гораздо менее благоприятные варианты развития событий, из которых особую опасность представляют раскол общества и обострение межэтнических конфликтов. В связи с этим необходимо бережное и аккуратное отношение общества и государства к сообществам, консолидированным на основе этнической самоидентификации (особенно это относится к таким "проблемным" регионам, как Северный Кавказ, Татарстан, Башкирия), и последовательное формирование российской государственно-гражданской идентичности не *вместо*, а *поверх* и *во взаимодействии* с идентичностью этнической. Любые необдуманные и резкие движения в этой деликатной сфере могут вызвать нежелательные и опасные последствия.

БЕЛОРУССИЯ: ОТ СОВЕТСКОГО К НАЦИОНАЛЬНОМУ

Белоруссия, в сравнении с другими рассматриваемыми постсоветскими государствами, в этническом плане достаточно однородна. Белорусы составляют подавляющее большинство населения (свыше 80%), а русские (около 11% населения), украинцы (около 2%), поляки (около 3%) хорошо интегрированы в белорусское общество. В немалой степени это обусловлено устойчивостью и длительным доминированием советской идентичности в соответствующий период истории, в частности, периодом Великой Отечественной войны, когда Белоруссия во время немецко-фашистской оккупации подверглась террору с элементами геноцида, что создало основу массового партизанского движения и сплочения различных национальностей. Пожалуй, ни в какой другой советской республике, включая РСФСР, советская государственно-гражданская идентичность не была столь сильна, как в Белоруссии.

После распада СССР, который был воспринят в Белоруссии большинством населения достаточно болезненно, в течение нескольких лет предпринимались некоторые, впрочем, не слишком заметные и не слишком удачные попытки частично дистанцироваться от России и проводить политику умеренного национализма. Это выразилось, в частности, в том, что было провозглашено одноязычие (белорусский язык был объявлен единственным официальным языком), а также в желании белорусских националистов насадить белорусскую идентичность, противостоящую российской. Однако после прихода к власти А. Лукашенко в 1994 г. был взят курс на укрепление экономических, политических и культурных связей с Россией. В результате проведенного в 1995 г. референдума утвердилось белорусско-русское двуязычие, в 1996 г. возник проект Союзного государства России и Белоруссии, а затем Таможенного и Евразийского экономического союза, в состав которого первоначально вошли Россия, Белоруссия и Казахстан. Несмотря на отдельные попытки выступить против проводимого Лукашенко курса на сближение с Россией и переориентировать Белоруссию на союз с Европой, этот курс пользуется поддержкой большинства населения Белоруссии.

В результате русский язык, ставший одним из двух государственных языков, вновь обрел в Белоруссии доминирующее положение, а “белорусский язык продолжает использоваться на официальных печатях, дорожных знаках и во время официальных церемоний, потому что он дает белорусскому государству ощущение своей легитимности” [Постсоветские... 2008: 68]. Важно отметить также такие значимые элементы политики идентичности белорусского государства, как широкое использование российских телеканалов и других российских СМИ, тесная связь Православной церкви в Белоруссии с Московской патриархией, подчеркивание близких культурных и исторических связей между Белоруссией и Россией. К этому следует добавить свободное перемещение людей, товаров и капиталов между Белоруссией и Россией в рамках Евразийского экономического союза. А также – симпатии значительной части российского общества к взвешенной, постепенной, стремящейся максимально сгладить “шоковые” потрясения, политике перехода Белоруссии к рыночным отношениям, к использованию белорусским руководством элементов советской системы управления, которые оказались полезными и в нынешних условиях, а также к порядку и элементарной чистоте белорусской столицы.

Таким образом, в Белоруссии осуществляется постепенный, медленный переход от советской государственно-гражданской к белорусской (национальной) государственно-гражданской идентичности. Этот переход далеко не завершен, и на этом пути Белоруссию подстерегают немалые внутренние и внешние риски. Тем не менее, можно констатировать эволюционный характер перехода, в целом обеспечивающий стабильность общества и государства. В то же время не стоит идеализировать межэтнические отношения и этнополитические процессы в Белоруссии, а также весьма двусмысленный внешнеполитический курс ее руководства. Дело в том, что в Белоруссии происходит естественная смена поколений, и старшие поколения, преимущественно ориентированные на советский опыт и на союз с Россией, постепенно уходят. На их место приходит молодежь, для значительной части которой приоритетными являются тесные отношения с Западом и перспектива интеграции с демонстрирующим "процветание" Европейским союзом. Среди белорусской молодежи популярны также идеи белорусских "проевропейских" националистов (данное сочетание кажется парадоксальным, но после украинских событий оно уже не должно удивлять), и в существенно меньшей степени – идеи русского национализма. Наконец, нельзя не упомянуть и ту часть молодежи, которая выступает за еще более тесные связи с Россией. В целом же проевропейские устремления белорусской молодежи значительно превышают средние по населению показатели. Согласно данным опроса, проведенного в 2007 г., молодежь Белоруссии в возрасте от 18 до 24 лет в большей мере выбирала "европейскую интеграцию" (36% опрошенных), в то время как старшее поколение в возрасте от 60 лет и старше предпочитало интеграцию постсоветских государств (61% опрошенных) [Задорин 2008: 84].

В этой ситуации, осложненной прямым давлением на Белоруссию со стороны Европейского союза и драматическими коллизиями украинской "*Революції Гідності*", белорусскому руководству приходится лавировать между Россией и ЕС, между сторонниками сближения с Европой и сторонниками еще более тесной интеграции с Россией. Этим обусловлены различные, нередко противоречивые заявления и действия президента Лукашенко, который стремится использовать выгоды одновременно и от сближения с ЕС, и от интеграции с Россией. (Отметим, что в этом он, быть может, не сознавая того, но движимый объективным раскладом сил в мире и в своей стране, следует тактике своего бывшего "коллеги", президента В. Януковича.) События на Украине оказывают противоречивое воздействие на перспективы радикального белорусского и радикального русского национализма в Белоруссии: стимулируя стремление власти "подморозить" националистическое движение, они, в то же время, своим примером провоцируют националистов на более решительные, радикальные действия, а также на поиск контактов и поддержки со стороны правительственных структур западных стран. В среднесрочной и особенно долгосрочной перспективе это создает серьезные угрозы суверенитету и территориальной целостности Белоруссии и выдвигает вопросы межэтнических отношений в ней на передний план ее политической повестки дня.

Казахстан: многосоставная идентичность

Казахстан является полиэтничным, многонациональным государством, формирование которого (скорее, в качестве протогосударственного образования) по-настоящему началось только в советский период. В геополитическом плане современный Казахстан оказался в сфере интересов одновременно

России, США, Китая и Европейского союза. В силу этого Казахстан после распада СССР столкнулся с немалыми проблемами легитимизации своей государственности, в том числе в сфере межнациональных отношений. В частности, в конце 1980-х и в начале 1990-х годов в республике обострился драматический конфликт в отношениях между двумя наиболее многочисленными национальностями – казахами и русскими. Речь заходила даже о претензиях русского и русскоязычного населения на отделение некоторых районов Северного Казахстана и их присоединение к России. Вместе с тем, после обретения Казахстаном независимости произошел отток существенной, наиболее квалифицированной части русскоязычных жителей бывшей Казахской ССР – по преимуществу в Россию.

С другой стороны, в 1990-е годы и позднее в Казахстане немалое внимание уделялось политике идентичности: в рамках новой национальной парадигмы интенсивно исследовались этнография казахского народа и особенности казахской диаспоры, предпринимались особые усилия, нацеленные на ускоренное оформление казахского этноса как наиболее многочисленного и ведущего в стране [Семененко 2012: 61]. В этих непростых условиях руководству Казахстана пришлось предпринимать экстренные меры для предотвращения межэтнических конфликтов, угрожавших территориальной целостности страны и ее государственной состоятельности. Под руководством бессменно возглавляющего страну президента Н. Назарбаева властям (после первых бурных постсоветских лет националистических эксцессов) удалось выработать компромиссную и весьма нетривиальную политику идентичности, позволившую на новых основаниях обеспечить консолидацию республики.

Уместно процитировать французских исследователей, констатация которых по ряду причин представляет научный и практический интерес: “Президент Назарбаев сделал выбор в пользу так называемой евразийской идеологии, которая направлена на соединение культурных европейских и азиатских традиций, представленных на территории Казахстана, и на создание образа перекрестка, где сходятся русская, тюрко-монгольская и китайская цивилизации, отмежевавшись при этом от пантюркских и панславянских позиций. Этот стратегический выбор позволил успокоить славянские меньшинства, сохранить добрососедские отношения со странами СНГ и, в частности, с Россией. Он смягчает тюркский и/или мусульманский характер страны, делая ее открытой для третьего пространства, экономически притягательного пространства Азия – Тихий океан. Для распространения этой модели Казахстан мобилизует все необходимые средства (прессу, академические институты) и создает новые форумы: Региональный евразийский союз, Ассамблея народов...” [Постсоветские... 2008: 181].

Отличительной особенностью Казахстана является высокий уровень адаптации населения, измеряемый в ходе массовых опросов и фиксирующий долю тех, кто удовлетворен своей текущей жизнью. Так, согласно сравнительному исследованию, проведенному в постсоветских государствах в 2007 г. в рамках “Евразийского монитора”, в Казахстане уровень социальной адаптации населения составлял 73% и был на 10% выше, чем в Белоруссии, на 30% выше, чем в России, и в два раза выше, чем в Украине [Шаукенова и др. 2008: 53, 55]. Помимо прочего, это свидетельствует о стабильной, с точки зрения большинства населения Казахстана, ситуации в сфере социальных и межнациональных отношений.

В итоге в Казахстане постепенно сформировалась многоуровневая и многосоставная идентичность – наднациональная (евразийская[1]) и национально-государственная (казахстанская), эффективно взаимодействующие с этническими идентичностями важнейших национальных групп казахстанского общества (казахи, русские, украинцы, татары, немцы и др.). Благодаря целенаправленной политике формирования такой многосоставной идентичности со стороны государства, в Казахстане удалось смягчить межэтнические противоречия и конфликты, особенно между казахами и русскими, заложить некоторые основы государственно-гражданской идентичности. Разумеется, это не означает, что нациестроительство в Казахстане не требует постоянных дальнейших усилий и не гарантирует, что после ухода Н. Назарбаева с поста президента межэтническая ситуация в Казахстане останется стабильной. Однако, как представляется, изучение опыта Казахстана и отчасти Белоруссии важно для России, поскольку выявляет варианты практического политического решения проблем взаимодействия элементов наднациональной советской, евразийской, национально-государственной, этнической и иных составляющих идентичности, что необходимо для формирования единой, консолидирующей общество государственно-гражданской идентичности.

УКРАИНА: ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ДЕГРАДАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В случае Украины имеет место взаимодействие и тесное переплетение территориальных, социокультурных, межэтнических и идеологических размежеваний. При этом идейная, социокультурная и межэтническая поляризация страны носит отчетливое территориальное отображение, что на протяжении всех постсоветских лет обуславливало глубокий электоральный раскол Украины [Лапкин 2010: 27-30, 32-34] и предельно обостряло и политизировало, вплоть до формирования сепаратистских настроений, конфликты в сфере межэтнических отношений.

В итоге казалось бы чисто территориальное размежевание между населением Крыма и остальной Украиной приобрело ярко выраженное политическое звучание. Ответ Крыма на государственный переворот 22 февраля 2014 г., абсолютно неожиданный для Киева и не предусмотренный "революционерами" и их вдохновителями, радикально изменил всю ситуацию на постсоветском пространстве, всю повестку современных этнонациональных отношений. Он стал жесткой, но во многом оправданной реакцией на провозглашенную новой киевской революционно-майданной властью суррогатную идеологию, разделяющую и противопоставляющую *свідомих* (сознательных) *українців* и "врагов Украины", а также на практику циничного разрушения (во имя политической целесообразности) конституционно-правового порядка

[1] Президент Назарбаев на протяжении многих лет активно и целеустремленно продвигает идею евразийской идентичности, апеллируя к идеям Л.Н. Гумилева [Гумилев 1992; Гумилев 2008], но при этом своеобразно модифицируя представления Гумилева в соответствии с политическими реалиями Казахстана и всего постсоветского пространства. Значительную роль в этом процессе играет образование Евразийского союза, во многом сформированного по инициативе Н. Назарбаева и призванного способствовать формированию наднациональной евразийской идентичности. В статье, посвященной истории и перспективам развития Евразийского союза, Н. Назарбаев отметил: "Сегодня наши народы все более ощущают себя частью формирующейся евразийской идентичности с ее культурным, религиозным и языковым многообразием, но с общим стремлением к плодотворному экономическому взаимодействию и добрососедству". См. Назарбаев Н. 2011. Евразийский союз: от идеи к истории будущего. – *Известия*. 26.10. С. 1, 5-6.

в стране. Жители Крыма (русские, украинцы, крымские татары, греки и др.) противопоставили "националистической революции" ("*Революції Гідності*"), политизировавшей языковые, поведенческие и региональные различия, надэтническую политическую консолидацию, основанную на принципах крымского гражданства. И этим обеспечили невероятно высокое солидарное голосование на референдуме 16 марта 2014 г., определившее дальнейшую судьбу полуострова и обозначившее вхождение Украины в фазу нарастающей государственной несостоятельности [подробнее см. Лапкин, Пантин 2014].

Гораздо более трагические последствия этой "националистической революции" мы наблюдаем в Донецкой и Луганской областях. Население этих областей оказалось не готовым к консолидированному политическому противостоянию радикальному национализму "киевских революционеров". Массовое неприятие национализма здесь не смогло оперативно обрести формы солидарного политического противостояния. Свою негативную роль сыграли как сохраняющиеся в массовом сознании жителей Юго-Востока Украины элементы советской государственно-гражданской идентичности и патерналистские ожидания, так и деморализующий эффект "бегства из страны" ее президента, лидера "Партии регионов" В. Януковича, обрушившего тем самым практически все легальные формы политической консолидации в регионе.

Юго-Восток оказался в политической изоляции от остальной Украины и был представлен ей как чуждый идеалам "национального возрождения". Интернациональное по своему составу население Донбасса усилиями украинской пропаганды и батальонов "Правого сектора" изображалось сборищем сепаратистов и террористов, людьми "второго сорта", не имеющими ничего общего с "настоящей" украинской государственностью и "настоящими, сознательными" украинцами. Их роль в новом государстве, расписанная новыми революционными властями, – работать на Украину и при этом не посягать ни на автономию, ни на культурную самостоятельность и идентичность, ни на государственный статус (пусть даже лишь региональный) родного языка. Жесткий силовой натиск новой революционной государственности и ее националистических батальонов спровоцировал переход социокультурного и латентного политического – в вооруженное гражданское противостояние, постепенно приобретавшее характер освободительной борьбы Донецкой и Луганской народных республик.

Вместе с тем, Крым и Юго-Восток оказались лишь двумя наиболее радикально отреагировавшими на неприемлемые для них революционные перемены в Киеве областями Украины. Попытка методами политического насилия форсировать проект формирования некоего идеального "этнического государства украинцев", не считаясь ни с реальной историей, ни с многочисленными территориальными и социокультурными размежеваниями в украинском обществе, ни с полиэтничным составом населения Украины (напомним, что на ее территории проживают украинцы, русские, венгры, русины, татары, греки, евреи, поляки и представители многих других национальностей), – поставила под вопрос само существование украинского государства, резко усилила привлекательность идей сепаратизма для всех противников нынешнего киевского режима. "Идея предшествования украинского этноса украинскому государству в различные исторические периоды могла иметь основания. Но при наличии государства Украина, возникшего вследствие распада СССР, наилучшим решением было бы создавать украин-

цев – граждан Украины из всех имеющихся этносов. Поэтому столь драматичным оказался отказ, под предлогом неукротимой тяги в Европу, от проекта федерализации Украины и сосуществования двух государственных языков" [Федотова 2015: 50]. Политика принуждения к этнонациональной унификации, оксюморон в современной политической практике, резко усилила и без того латентно тлеющий кризис украинской государственности. Завлеченное мечтами о "незалежной", экономически процветающей европейской стране, население Украины получило неработоспособное, экономически несостоятельное, лишенное реального суверенитета государство, последовательно загоняющее себя в состояние непрерывной войны с внутренними и внешними "врагами". Без этого непрерывного поиска "врагов", на который нацелено нынешнее украинское руководство, оно неспособно ни мало-мальски консолидировать дезориентированное украинское общество, ни объяснить ему причины бесчисленных неудач и провалов своей политики.

Тем более, что в Крыму и в самопровозглашенных республиках формируются и укрепляются альтернативные проекты, предполагающие равноправную гражданскую межэтническую консолидацию, основанную на неприятии псевдонационалистической диктатуры и неправового политического режима новой власти. В этом отношении, на первый взгляд парадоксально, но, по сути, вполне закономерно, что эксцессы революционного этнонационализма стимулировали – через сепаратизм и кровопролитный конфликт – рост гражданского надэтнического самосознания, стремления к гражданской политической самоорганизации и самоопределению. При некатастрофическом развитии событий можно предвидеть, что таким парадоксальным путем "националистическая революция" в своем самоотрицании могла бы дать новый мощный импульс становлению современного гражданского состояния и процессам политического самоопределения полиэтнических сообществ на территории Украины.

В целом кризис и деградация гражданского правосознания и правопорядка в Украине в условиях "националистической революции" стали самым важным и желаемым результатом длительного процесса политической эмансипации сформировавшегося в ней постсоветского олигархического режима. Политическая и идеологическая радикализация этнического национализма оказалась эффективным инструментом мобилизации масс негражданского общества, позволяющим средствами политтехнологий эффективно манипулировать их протестными настроениями и направлять их гнев на политических противников олигархии. В ходе спровоцированной такой политикой "революции" персонализм как ключевой властный ресурс постсоветской политики в Украине окончательно трансформировался из средства системного ограничения олигархического интереса в средство дестабилизации постсоветской политической системы; постсоветский этап ее политической эволюции подошел к концу. На фоне разрушающегося прежнего правового и конституционного порядка на Украине формируется новый, революционный порядок, апеллирующий к "революционной целесообразности" и подчиняющий страну заведомо нереализуемым в современных условиях задачам построения этнически консолидированной нации.

"Революция" 2014 г. вывела Украину на новый этап социокультурного, политического, этнонационального и цивилизационного раскола, когда, попирая базовые демократические принципы, "революционная власть" проводит последовательную политику "исключения", вытеснения, "поражения в правах" тех, кто не разделяет ее

политические и идейные принципы, ценностные ориентации и этнонациональные предпочтения. Искусственные, "сконструированные" принципы и "маршруты" форсированного нациестроительства, критерии "пригодности" и "чуждости", "соответствия идеалам" и "враждебности" – призваны вводить в заблуждение. Но хорошо известно, что значительная часть, если не большинство, вождей этой "этнонациональной революции" не являются этническими украинцами. И это для всякой революции скорее норма, чем исключение. Достаточно вспомнить, что в российской пролетарско-крестьянской революции начала XX в. процент вождей крестьянского или пролетарского происхождения был и того меньше. Отказ Киева от эволюционного пути формирования украинской гражданской нации, основанного на принципах современного конституционно-правового строя и уважения прав интегрируемых в гражданское общество меньшинств, стратегически является самым жестким и непоправимым ударом по идее украинской государственности.

Вместе с тем, в ближайшей перспективе избранный революционный путь решения проблемы нациестроительства ведет к эрозии конституционализма, права и демократических институтов в стране. Так, результаты внеочередных выборов народных депутатов Украины (октябрь 2014 г.) выявили жесткое системное давление, оказанное на избирателя, в зависимости от его приятия или неприятия практики проводимых в течение всего предшествующего года революционных преобразований в украинском обществе. В итоге региональный срез дал резкую дифференциацию явки (от 70% в регионе, символизирующем эту революцию, до 33% в регионах, символизирующих ее решительное неприятие)[2]. Мотивация участия (неучастия) в выборах оказалась жестко связанной с симпатией (антипатией) к новым порядкам эпохи "националистической революции". Спектр политических проектов, предлагаемых избирателю на электоральном рынке, односторонен и представлен преимущественно лишь правонационалистическим ее сегментом. Предлагаемый выбор устраивает приверженцев модели этнического национализма и негражданских отношений в обществе, а также конформистски настроенных избирателей, но лишает возможности реализовать свое гражданское право избирать и быть избранными тех, кто предпочитает федералистские отношения и гражданское равноправие и стремится отстоять свои культурные и языковые предпочтения перед лицом этнонационального диктата "революционного большинства". В результате распределение явки на прошедших выборах фактически характеризует эффект диктатуры революционного (этнически консолидированного) большинства. При этом масштабы такого принудительного лишения возможности политического выбора таковы, что для того чтобы сохранять и впредь свои властные позиции, олигархически-националистической республике придется и в дальнейшем ужесточать этот своего рода "избирательный ценз".

В целом же, избрав революционный путь решения этнонациональных проблем, препятствующих реализации проекта форсированного нациестроительства, украинская элита до предела обострила территориальные, энополитические и социокультурные конфликты в стране, резко подняв градус ее кризисного неблагополучия и, по всей видимости, введя ее в число так наз. *несостоявшихся государств*.

[2] Позачергові вибори народних депутатів України 26 жовтня 2014 року (данные на 03.11.2014). Процент подсчитанных протоколов по Украине 99.91%. 2014. – *Официальный сайт ЦИК Внеочередных выборов народных депутатов Украины*. Доступ: http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2014/wp039pt001f01=910.html (проверено 28.07.2015).

ПОЗИТИВНЫЙ И НЕГАТИВНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Разумеется, среди рассмотренных постсоветских государств нет и не может быть эталона, идеального образца для подражания: в каждом из них существуют свои более или менее выраженные проблемы и сложности в регулировании межнациональных отношений. Однако, как представляется, опыт Казахстана и отчасти Белоруссии важен для России, так как ненасильственное сочетание элементов наднациональной евразийской, советской, национальной российской, этнической (русской, татарской и др.) идентичности необходимо для формирования единой, консолидирующей общество государственно-гражданской идентичности. Конечно, при этом должна быть в полной мере учтена специфика России: огромная территория, наличие большого числа этносов, опыт регулирования межнациональных отношений в период Российской империи и в советский период, промежуточное геополитическое и геокультурное положение России между Европой и Азией, между Западом и Востоком и другие принципиально важные факторы.

Вместе с тем, украинский опыт последних лет в сфере этнополитических процессов и межнациональных отношений также имеет для России весьма важное, хотя и преимущественно негативное значение. Попытки украинских элит игнорировать существующие территориальные, социокультурные и межэтнические размежевания, современные конституционно-правовые нормы, руководствуясь исключительно интересами олигархических кланов и принципами "революционной целесообразности", представляют для России принципиально важный урок, которым нельзя пренебрегать. В России, как и в Украине, сильны позиции олигархии и слабо гражданское общество, значимы территориальные и социокультурные размежевания, коррупция, прозападные транснациональные элиты, ощутимо политическое и экономическое давление со стороны западных держав. Поэтому всякое существенное обострение межэтнических противоречий может сыграть роковую роль, привести российское государство к новым революционным потрясениям, поставить его на грань кризиса и распада, как в свое время это произошло с Советским Союзом. Поэтому любой этнический национализм, включая русский, татарский, башкирский или какой-либо иной, представляет сегодня смертельную опасность для полиэтничного и поликонфессионального российского общества и государства, толкая российское общество, независимо от желания идеологов этого национализма, к "борьбе всех против всех". А это, в свою очередь, означает, что борьба с этническим национализмом и формирование единой государственно-гражданской идентичности является одним из ведущих направлений современной российской внутренней и внешней политики.

В высококонкурентном современном мире у России еще сохраняется возможность воспринять, осмыслить и воплотить в эффективную политическую стратегию нациестроительства опыт других стран. Особое внимание, по нашему мнению, необходимо обратить на этнополитические и этносоциальные процессы, происходящие в бывших постсоветских государствах, которые имеют общее с Россией историческое прошлое и общую культуру, которые, наконец, непосредственно граничат с Россией. Последнее обстоятельство имеет важное геополитическое и экономическое значение: от того, как будут развиваться соседние государства, в том числе Белоруссия, Казахстан и Украина, во многом

зависят успехи как внутренней, так и внешней политики России. Так, объединение России, Белоруссии и Казахстана сначала в Таможенный, а затем в Евразийский экономический союз сообщило новый важный импульс этим сферам российской политики. С другой стороны, государственный переворот на территории Украины предопределил воссоединение Крыма с Россией, а также привел к вооруженному конфликту на Юго-Востоке Украины; в свою очередь, это существенно изменило отношения России с западными странами и повлияло на внутреннюю российскую политику. Поэтому и в настоящее время, и в дальнейшем для России столь важно, каким будет характер развития этнополитических и этносоциальных процессов в сопредельных постсоветских государствах, в какой мере конструктивно (или, напротив, деструктивно) будет проходить освоение этими странами демократических институтов и социально-политических практик, какие формы внутри- и межгосударственной интеграции будут в них утверждаться. При этом следует помнить и об исключительном динамизме идентичности и геополитических диспозиций в современном мире, о постоянно возникающих вызовах, на которые России неминуемо предстоит давать своевременные и адекватные ответы.

Бжезинский З. 1998. *Великая шахматная доска*. М.: Международные отношения. 256 с.

Борьба за идентичность и новые институты коммуникации (под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой). 2012. М.: РОССПЭН. 263 с.

*Глобальная перестройка (о*тв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова). 2014. М.: Весь мир. 528 с.

Гумилев Л.Н. 1992. *Древняя Русь и Великая степь*. М.: Мысль. 512 с.

Гумилев Л.Н. 2008. *Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации*. М.: АСТ. 608 с.

Дибиров А.З., Белоусов Е.В. 2014. Война идентичностей. – *Вестник Института социологии*. № 11. С. 127-147.

Дробижева Л.М. 2008. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. – *Россия реформирующаяся. Ежегодник*. Вып. 7 (отв. ред. М.К. Горшков). М.: Институт социологии РАН. С. 214-228.

Дробижева Л.М. 2013. *Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет*. М.: Новый хронограф. 336 с.

Жаде З., Куква Е., Ляушева С., Шадже А. 2010. *Российская идентичность на Северном Кавказе*. М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: Качество. 248 с.

Задорин И. 2008. Интеграционные ориентации населения стран СНГ: динамика и перспективы. – *Интеграция в Евразии: социологическое измерение*. Вып. 2 (под ред. И.В. Задорина). М.: ИНЭС. С. 61-90.

Иванов В.Г. 2007. *Транснациональные элиты: кто они? Концептуальное поле исследования*. М.: РУДН. 256 с.

Клямкин И.М., Лапкин В.В. 1995. Русский вопрос в России. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 78-96.

Лапкин В.В. 2010. Политический контекст президентских выборов в Украине (К анализу политических рисков на постсоветском пространстве). – *Россия и новые государства Евразии*. № 1. С. 22-37.

Лапкин В.В., Пантин В.И. 2014. Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 68-89.

Малахов В.С. 2014. *Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций*. М.: Новое литературное обозрение. 232 с.

Пантин В.И., Лапкин В.В. 2014. *Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития*. Дубна: Феникс+. 456 с.

Перегудов С.П. 2013. "Русский вопрос" в контексте этнонациональных отношений в РФ. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 74-86.

Постсоветские государства (под ред. Ж. Радвани). 2008. М.: NOTA-BENE. 288 с.

Семененко И.С. 2012. Политическая нация, национальное государство и гражданская идентичность: на пути в глобальный мир. – *Политическая идентичность и политика идентичности:* в 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН. С. 41-72.

Семененко И.С. 2015. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса. – *Мировая экономика и международные отношения*. № 11. (В печати.)

Тишков В.А. 2011. *Единство в многообразии: публикации из журнала "Этнопанорама" 1999–2011 гг. 2-е изд., перераб. и доп.* Оренбург: Издательский центр ОГАУ. 232 с.

Федотова В.Г. 2015. Различия политических культур и международные конфликты. – *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 44-54.

Шаукенова З., Коновалов С., Ракишева Б. 2008. "Евразийский монитор" и новые возможности межстрановых сопоставлений социальных настроений. – *Интеграция в Евразии: социологическое измерение*. Вып. 2 (под ред. И.В. Задорина). М.: ИНЭС. С. 51-60.

Этносоциокультурный конфликт: новая реальность современного мира (под ред. Е.Ш. Гонтмахера, Н.В. Загладина, И.С. Семененко). 2014. М.: Русское слово. 280 с.

Янковская Г.А. 2014. Борьба за идентичность в контексте современных коммуникаций. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 175-178.

Robinson W.I. 2004. *Theory of Global Capitalism: Production, Class and State in a Transnational World*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 224 p.

Semenenko I. 2015. Ethnicities, Nationalism and the Politics of Identity: Shaping The Nation in Russia. – *Europe-Asia Studies*. Vol. 67. No. 2. P. 306-326. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/09668136.2014.1002681

Sklair l. 2001. *The Transnational Capitalist Class*. Oxford, Blackwell. 348 p.

DOI: 10.17976/jpps/2015.05.07

ETHNOPOLITICAL AND ETHNOSOCIAL PROCESSES IN POST-SOVIET COUNTRIES (Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine Cases)

V.I. Pantin[1], V.V. Lapkin[2]

[1]Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia
[2]Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

PANTIN Vladimir Igorevich, Dr. Sci. (Philos.), Head of Department, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, chief researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. Email: v.pantin@mail.ru; **LAPKIN Vladimir Valentinovich, leading researcher, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, First Deputy Editor-in-Chief, Polis. Political Studies, Moscow, Russia.** Email: vvlh@politstudies.ru

Received: 25.06.2015. Accepted: 06.07.2015

Acknowledgement. This article was prepared with the financial support of a grant provided by the Russian Science Foundation [№ 15-18-00021 "Regulating interethnic relations and managing ethnic and social conflicts in the contemporary world: the resource potential of civic identity (a comparative political analysis)"]. The research was conducted at the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), RAS

Abstract. Analyzed in the article are the key trends of ethnopolitical and ethnosocial development in the largest post-Soviet states – Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine. The criteria and foundations of such comparative analysis are formulated and the main problems of nation building in post-Soviet states are shown. Special attention is paid to the relationship between ethnic and civic components of identity, as well as to the identity policy in every state in question. It is mentioned that the formation of civic identity and civil society in post-Soviet countries is a very difficult process. To a large extent these difficulties

are caused by the unfinished processes of nation-building and by the ineffective political and economic institutions. It is demonstrated that situation in the field of interethnic relations and in the sphere of national identity is quite different in Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine. The consolidation of polyethnic nation and the formation of civic identity in Russian Federation is a rather slow process; however, the country possesses important long-term traditions of identity policy and interethnic conflicts regulation. In Belarus, the Soviet identity dominated in the 1990's and the 2000's, while nowadays the new generation wishes to form its own national identity. President Nazarbayev in Kazakhstan tries to shape a complex identity in order to stabilize the social and political situation. This complex identity includes ethnic, national and supranational (so-called Eurasian) components. It is concluded that the experience of formation of such complex identity is useful for Russia and other post-Soviet states. Just the opposite, the social and cultural situation in Ukraine is very difficult: the country undergoes a serious social and ethnic polarization, which invokes political confrontation. These processes result in the crisis of Ukrainian statehood and in different social, political and interethnic conflicts.

Keywords: ethnopolitical processes; interethnic relations; comparative analysis; identity; post-Soviet states; Russia; Belarus; Kazakhstan; Ukraine.

References

Bor'ba za identichnost' i novye instituty kommunikatsii (pod red. P.V. Panova, K.A. Sulimova, L.A. Fadeevoi) [Struggle for Identity and New Institutions of Communication (ed. by P.V. Panova, K.A. Sulimova, L.A. Fadeeva)]. Moscow: ROSSPEN. 2012. 263 p. (In Russ.)

Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy And Its Geostrategic Imperatives (Russ. ed.: Brzezinski Z. *Velikaya shakhmatnaya doska*). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1998. 256 p.

Dibirov A.Z., Belousov E.V. War of Identities. – *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2014. No. 11. P. 127-147. (In Russ.)

Drobizheva L.M. *Etnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossiiskoi Federatsii. Opyt 20 let* [Ethnicity on Russian Socio-Political Space. Twenty years of experience]. Moscow: New Chronograph Publ. 2013. 336 p. (In Russ.)

Drobizheva L.M. Natsional'no-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost': problemy pozitivnoi sovmestimosti [Civic-national and Ethnic Identity: Problems of Positive Compatibility]. – *Rossiya reformiruyushchayasya*. Ezhegodnik. Vyp. 7 (otv. red. M.K. Gorshkov) [Russia Reforming. Yearbook. Vol. 7 (ed. by M.K. Gorshkov)]. Moscow: Institute of Sociology, RAS. 2008. P. 214-228. (In Russ.)

Etnosotsiokul'turnyi konflikt: novaya real'nost' sovremennogo mira (pod red. E.Sh. Gontmakhera, N.V. Zagladina, I.S. Semenenko) [Etno-socio-cultural Conflict: the New Reality of the Modern World (ed. by E.Sh. Gontmakher, N.V. Zagladin, I.S. Semenenko)]. Moscow: Russkoe slovo. 2014. 280 p. (In Russ.)

Fedotova V.G. Distinctions of Political cultures and the International Conflicts. – *Polis. Political Studies*. 2015. No. 1. P. 44-54. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2015.01.05

Global'naya perestroika (otv. red. A.A. Dynkin, N.I. Ivanova [A Global Perestroika (ed. by A.A. Dynkin, N.I. Ivanova)]. Moscow: Ves' Mir Publ. 2014. 528 p. (In Russ.)

Gumilev L.N. *Drevnyaya Rus' i Velikaya step'* [Ancient Russia and "the Great Steppe"]. Moscow: Mysl'. 1992. 512 p. (In Russ.)

Gumilev L.N. *Ritmy Evrazii. Epokhi i tsivilizatsii* [The Rhythms of Eurasia]. Moscow: AST. 2008. 608 p. (In Russ.)

Ivanov V.G. *Transnatsional'nye elity: kto oni? Kontseptual'noe pole issledovaniya* [Transnational Elites: Who are They? The Conceptual Field of Research]. Moscow: RUDN. 2007. 256 p. (In Russ.)

Klyamkin I.M., Lapkin V.V. The Russian Question in Russia. – *Polis. Political Studies*. 1995. No. 5. P. 78-96. (In Russ.)

Lapkin V.V. Political Context of Presidential Elections in Ukraine (to the Analysis of Political Risks on the post-Soviet Space). – *Russia and new States of Eurasia*. 2010. No. 1. P. 22-37. (In Russ.)

Lapkin V.V., Pantin V.I. Crisis of the Ukrainian Statehood: Political and Legal, Valuable and Geoeconomic Aspects. – *Polis. Political Studies*. 2014. No. 5. P. 68-89. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2014.05.06

Malakhov V.S. *Kul'turnye razlichiya i politicheskie granitsy v epokhu global'nykh migratsii* [Cultural Differences and Political Borders in the Epoch of Global Migration]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. 232 p. (In Russ.)

Pantin V.I., Lapkin V.V. *Istoricheskoe prognozirovanie v XXI veke: Tsikly Kondrat'eva, evolyutsionnye tsikly i perspektivy mirovogo razvitiya* [Historical Forecasting in the XXI Century: Kondratieff Cycles, Evolutionary Cycles and Prospect of World Development]. Dubna: Phoenix+. 2014. 456 p. (In Russ.)

Peregudov S.P. The "Russian Question" in the context of ethno-national relations in Russian Federation. – *Polis. Political Studies*. 2013. No. 3. P. 74-86. (In Russ.)

Postsovetskie gosudarstva (pod red. Zh. Radvani) [Post-Soviet States (ed. by Zh. Radvani)]. Moscow: NOTA-BENE. 2008. 288 p. (In Russ.)

Robinson W.I. *Theory of Global Capitalism: Production, Class and State in a Transnational World*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 2004. 224 p.

Semenenko I.S. Ethnicities, Nationalism and the Politics of Identity: Shaping The Nation in Russia. – *Europe-Asia Studies*. 2015. Vol. 67. No. 2. P. 306-326. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/09668136.2014.1002681

Semenenko I.S. Nation, Nationalism, National Identity: New Perspectives of Scientific Discourse. – *MEMO Journal*. 2015. No. 11. (In print). (In Russ.)

Semenenko I.S. Politicheskaya natsiya, natsional'noe gosudarstvo i grazhdanskaya identichnost': na puti v global'nyi mi [Political Nation, Nation State and Civic Identity: on the Way to the Global World]. – *Politicheskaja identichnost' i politika identichnosti: v 2 tt. T.2: Identichnost' i social'no-politicheskie izmenenija v XXI veke* (otv. red. I.S. Semenenko) [Political Identity and Identity Politics: in 2 vols. Vol. 2: Identity and Socio-Political Changes in XXI Century (ed. by I.S. Semenenko)]. Moscow: ROSSPEN. 2012. P. 41-72. (In Russ.)

Shaukenova Z., Konovalov S., Rakisheva B. "Evraziiskii monitor" i novye vozmozhnosti mezhstranovykh sopostavlenii sotsial'nykh nastroenii ["Eurasian Monitor" and the New Possibilities of International Comparisons of Social Mood]. – *Integratsiya v Evrazii: sotsiologicheskoe izmerenie*. Vyp. 2 (pod red. I.V. Zadorina) [Integration in Eurasia: Sociological Dimension. Vol. 2 (ed. by I.V. Zadorin)]. Moscow: INES. 2008. P. 51-60. (In Russ.)

Sklair l. *The Transnational Capitalist Class.* Oxford, Blackwell. 2001. 348 p.

Tishkov V.A. *Edinstvo v mnogoobrazii: publikatsii iz zhurnala "Etnopanorama" 1999–2011 gg*. 2-e izd., pererab. i dop. [Unity in Diversity: Publications from "Etnopanorama" journal, 1999–2011. 2nd ed., revised and enlarged]. Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAU. 2011. 232 p. (In Russ.)

Yankovskaya G.A. Struggle for Identity in the Context of Communications. – *Polis. Political Studies*. 2014. No. 4. P. 175-178. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2014.04.13

Zadorin I. Integratsionnye orientatsii naseleniya stran SNG: dinamika i perspektivy [Integration Concepts of CIS Countries: Dynamics and Prospects]. – *Integratsiya v Evrazii: sotsiologicheskoe izmerenie*. Vyp. 2 (pod red. I.V. Zadorina) [Integration in Eurasia: Sociological Dimension. Vol. 2 (ed. by I.V. Zadorin)]. Moscow: INES. 2008. P. 61-90. (In Russ.)

Zhade Z., Kukva E., Lyausheva S., Shadzhe A. *Rossiiskaya identichnost' na Severnom Kavkaze* [Russian Identity in the North Caucasus]. Moscow: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya; Maikop: Kachestvo. 2010. 248 p. (In Russ.)